

Злата Иволга

# ПЕЧАЛЬНАЯ ПРИНЦЕССА



# **Злата Иволга**

## **Печальная принцесса**

*[http://www.litres.ru/pages/biblio\\_book/?art=69852946](http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=69852946)*

*SelfPub; 2023*

### **Аннотация**

Инспектор жандармерии вынужден прервать медовый месяц и отправиться по особому заданию в захолустье. Убита знатная женщина, и семья хочет знать, кто виновен. Однако ведут они себя странно. Причастны ли они к убийству вдовствующей маркграфини? Может, это кто-то из недовольных арендаторов? И при чем тут три совершенно разные деревенские женщины и таинственный приезжий художник?

# Содержание

Глава 1	4
Глава 2	24
Конец ознакомительного фрагмента.	42

# Злата Иволга

## Печальная принцесса

### Глава 1

Посыльный вызывал чувство беспокойства. И когда он стал приближаться, беспокойство переросло в тревогу.

– Нет, только не сюда...

– Что ты сказал, дорогой?

Можно было промычать что-то невразумительное, но поздно. Чуда не случилось. Улыбающийся и сияющий, как катушка нового медного провода, посыльный остановился у их столика.

– Инспектор фон Апфельгартен?

Пришлось отложить вилку и нож и поднять глаза.

– Да.

– Вам письмо, герр инспектор, — закивал посыльный и, понизив голос, добавил. — Сказали срочно и лично в руки. Доброе утро, фрау фон Апфельгартен.

Пара мелких монет переключали в благодарную руку посыльного, который наконец-то отошел от столика, совершенно счастливый после ответного «доброе утро». Бедная Ада. Она еще не знает, что их медовый месяц безнадежно испорчен.

– Почему на тебе лица нет?

– Боюсь, нас ждут плохие новости.

– Но ты даже не распечатал конверт, — возразила Ада, откладывая нож.

– Здесь родной штамп жандармерии, — обреченно сказал фон Апфельгартен и все же взял в руки письмо. — И ведь знают, что я женился меньше двух недель назад.

– Вероятно, что-то очень серьезное, — спокойно заметила Ада, снова принимаясь за жареные колбаски.

Под ее чинное жевание, тихую болтовню немногочисленных в это время года соседей за столиками и редкий щебет птиц фон Апфельгартен заставил себя внимательно прочитать письмо.

– Что там? — через несколько минут после того, как письмо вернулось на столик, спросила Ада.

– Чертовщина, — с досадой выдохнул фон Апфельгартен.

Супруга молча пожала плечами, словно говоря, а когда было иначе на твоей работе, и принялась за кофе.

– Хорошо, что мы не успели уехать в Зальцбург, — сообщил он, проводя ладонью по волосам. — Я попрошу сдать билеты и взять новые.

– И куда же?

– В маркграфство Мерен. Надеюсь, у них есть телефон или хотя бы телеграф.

– И ходят ли туда поезда? — тихо пробормотала Ада, но фон Апфельгартен услышал ее, и настроение испортилось

еще больше.

Поезда на задворки империи все же ходили. Причем целых два, побыстрее и помедленнее. Несмотря на вызов от начальства, инспектор фон Апфельгартен предпочел бы второй, но билеты на него оказались раскуплены.

— Черт знает что творится... И кому понадобилось путешествовать в начале ноября?

— Нам, дорогой?

И он не нашел, что ответить.

На быстрый поезд с пересадкой в Брюнне удалось взять первый класс. Фон Апфельгартен снял тесный новый цилиндр, украшенный модной золотистой лентой, и немного расслабился, глядя на проплывающие в окне всех оттенков ржавого луга и темные от елей леса.

— Проводник сказал, нам нужна станция Старые Гнездовья, — говорила Ада, вертя в руках то самое злополучное письмо. — На поезде от Брюнна туда всего двадцать минут, но можно нанять паромобиль и доехать прямо до замка Зильберштайнадлер. Кстати... — И она замолчала.

— Я попробую связаться с маркграфом, чтобы нас встретили, — сказал фон Апфельгартен. — Раз уж они испортили мне медовый месяц, пусть не откажут в этой малости. Что ты хотела сказать, дорогая?

— Фон Зильберштайнадлер. Маркграф. Помнится, в газетах писали о какой-то жуткой истории. Кажется, в его владениях на людей нападали вампиры.

— Господи, — поморщился фон Апфельгартен. — Припоминаю. Потом оказалось, что у кого-то слишком бурное воображение. Доказательств, как и самих вампиров, не нашли. Когда-то возможно в Мерене они и были, но очень давно. Наступающая цивилизация и всемогущий пар делают свое дело.

— Да, вероятно, — как-то растерянно пробормотала Ада, поправляя шляпку. И фон Апфельгартен внезапно вспомнил.

— Я забыл, что ты уже сталкивалась с существами нечеловеческой природы.

Ада кивнула.

— Не переживай. Теперь все будет гораздо прозаичнее. Тем более, уже есть подозреваемые.

— Тогда мы не задержимся надолго, правда?

Фон Апфельгартен постарался спрятать поглубже беспокойство, которое ощутил, услышав эти слова, и улыбнуться. Интуиция редко его подводила, иначе бы он не стал инспектором жандармерии, родился он даже в семье герцога.

— Может, тебе там понравится, — сказал он. — Маркграфство славится не только приятным климатом, но и винами с интересной кухней.

— Тогда я, пожалуй, отыщу приличную гостиницу и займусь дегустацией, — с готовностью отозвалась Ада. — О нет, дорогой. Вряд ли остановиться с тобой в замке хорошая мысль, — прервала она его возражения. — Мне хватило

приема твоей семьи. Несмотря на прогрессивное время, мы все же из разных кругов. А тут целый маркграф.

Фон Апфельгартен тяжело вздохнул. Ада по-своему права. Мать и братья выслушали новость о его женитьбе на вдове инженера паровозов, пусть и состоятельной, довольно скептически. А сын и дочь удивленно приподняли брови, но зато пришли на свадьбу. И даже вели себя пристойно и временами приветливо.

— Еще год назад им было все равно, как я живу, — проворчал фон Апфельгартен. — Братья получили кто майорат, кто должность. А что взять со старины Курта, который топчется в своей жандармерии? Когда скончалась моя бедная Ильза, мать и Эрих черкнули всего пару строк.

— Но теперь вспомнили, — напомнила Ада и взмахнула рукой с письмом.

— Чтобы испортить нам медовы месяц.

— Ничего страшного, Курт, со мной все будет хорошо, — примирительно сказала Ада. — Мы все равно собирались уехать далеко. Так что какая разница — на юг или на север?

— Комиссар будет мне должен, — буркнул фон Апфельгартен, немного завидуя, что супруга намерена наслаждаться кухней и винами, пока он будет работать. — И братец-барон, который порекомендовал меня, тоже.

Вокзал в Брюнне встретил их сыростью, мокрыми от холодного дождя желтыми стенами, криками торговцев свежими пончиками вразнос и отсутствием работающего телефо-

на. Оказалось, что линия была повреждена пролетевшей с утра грозой с градом. Поезд же, который должен проходить через станцию Старое Гнездовье, отменили. «Котел лопнул, — сообщил кассир. — Но есть билеты на вечер».

Это означало, что в замок они прибудут к ночи, а ведь еще надо найти гостиницу.

— Приятный климат, говоришь? — осведомилась Ада, поднимая воротник модного и плохо греющего полупальто, когда они вышли на сильный ветер к стоянке наемных экипажей.

Фон Апфельгартен проигнорировал ее замечание и постарался быстрее найти хоть какое-нибудь средство передвижения. Но единственную повозку, запряженную еле волочащей ноги клячей, заняли более расторопные приезжие. Дело начиналось плохо. Оставалось надеяться, что им помогут в местной жандармерии, которая, как уверяли редкие прохожие, находится всего в квартале от вокзала.

— Инспектор фон Апфельгартен? Замок Зильберштайнадлер? — переспросил щуплый жандарм за конторкой в приемной. — Так приехали за вами, в обед еще.

Курт переглянулся с Адой.

— Кто?

— Святой отец Ворличек вроде. Сказал, маркграф ожидает герра инспектора.

И он покосился на Аду. Похоже, она в список долгожданных лиц не входила.

Раздраженный фон Апфельгартен оставил записку местному инспектору, который уже ушел домой, и вышел, чтобы найти паромобиль с обещанным священником. Телефон, кстати, в жандармерии тоже не работал. Привыкший к цивилизации инспектор тихо выругался.

Он обошел серое приземистое здание, но паромобиля так и не обнаружил. Только потерял Аду, хотя был уверен, что она идет за ним. Он остановился и огляделся, чувствуя, что пальто промокло, и вода начинает просачиваться за шиворот.

— Курт, — услышал он голос супруги и увидел ее, вынырнувшую из наступающих сумерек с каким-то высоким чело-  
веком. — Это отец Ворличек из церкви святой Цицилии. У него есть удобная крытая повозка.

Понятно, зря он искал паромобиль.

Святой отец, похожий на мешок с репой в своем широком плаще с капюшоном, поздоровался, ловко встряхнул вожжами, цокнул на пару лошадей, и они послушно потрусили по дороге. Голос священника звучал глухо и невозможно было определить, молод он или стар.

Курт мрачно молчал, пока Ада расспрашивала их провожатого о гостинице. Оказалось, что в отличие от телефона и паромобиля таковая имелась и, по словам святого отца, весьма неплохая. Там часто останавливались состоятельные путешественники и даже обедали члены семьи маркграфов уже почти сто с лишним лет.

— А скажите, отец Ворличек, — полюбобытствовал наконец фон Апфельгартен, — что произошло с отцом Зильберштайнадлером? Как получилось, что вы замещаете брата маркграфа?

— Он преставился два месяца как, — ответил священник, переложил поводья в одну руку и перекрестился.

— Понимаю. Возраст.

— Увы, несчастный случай, герр инспектор.

Святой отец замолчал.

— Как именно он умер? — с возрастающим интересом спросил фон Апфельгартен.

Священник замялся, но затем все же неохотно сказал:

— Во время причастия поскользнулся, упал и очень неудачно. Сломал шею.

Со стороны Ады раздался какой-то странный тихий звук. Курт кинул на нее предостерегающий взгляд, надеясь, что это не смешок. Впрочем, тут подозревать нечего: на мессе вокруг была куча свидетелей.

— Кто же тогда послал нас встретить? — осведомился инспектор.

— Бертольд фон Зильберштайнадлер, дядя его сиятельства. Он очень расстроен, что расследование смерти вдовствующей маркграфини зашло в тупик. Как и его сиятельство, разумеется, — прибавил священник чуть погодя.

Ага, значит, маркграф, сын убитой, не горел желанием вызывать чужого инспектора. Более вероятно, что здесь поста-

рался этот самый дядя Бертольд. Надо будет присмотреться к нему.

Тряска пусть и в удобной, но повозке, продолжалась порядка часа. К тому времени, как они остановились у трехэтажного освещенного газовыми фонарями здания, совсем стемнело, а дождь кончился.

— «Три лисицы», герр инспектор, — объявил отец Ворличек, кивком указывая на вывеску. — Я подожду вас здесь.

Курт с Адой зашли в просторный и уютный холл, где напротив большого портрета императора висела картина с ярко-рыжей лисицей, играющей с собственным хвостом. Вокруг зверя раскинулся летний смешанный лес, освещенный очень красиво и талантливо изображенным лунным светом.

Заметивший интерес гостей хозяин, герр Зденек, объяснил, что это «лисица первого этажа», на втором и третьем есть портреты ее собратьев. Ада тут же поинтересовалась, кто же художник. Картина выглядела старой и, вероятно, была ценной. Хозяин чуть сбивчиво ответил, что еще его дед приобрел все три на каком-то аукционе в Брюнне, но к оценщику не обращался.

Очарованный с неприятной дороги столь приятным и красивым местом фон Апфельгартен, поддавшись все той же интуиции, взял двухместный номер.

— Я не остановлюсь в замке, — заявил он, когда они с Адой шли за носильщиком на второй этаж. — Пусть не думают, что могут диктовать мне все условия.

— Дорогой, это же ребячество, — укоризненно сказала Ада, но ее щеки порозовели.

— Я и так буду проводить в замке и окрестностях много времени, но ночевать буду приходить к тебе. Молодожены мы в конце концов или нет?

— Но как же ты вернешься сегодня, уже так поздно?

Курт остановился, взглянул на усыпанные бриллиантами наручные часы, давний подарок матери, и качнул головой.

— Еще нет восьми. Я представлюсь маркграфу, задам пару вопросов и вернусь. На его же повозке, а то и паромобиле. — Он усмехнулся и кивнул на картину с черно-бурой лисицей, вставшей на задние лапы у дерева. — Красота какая.

К замку они с отцом Ворличеком подъехали в начале девятого. Фон Апфельгартен окинул жилище маркграфа беглым взглядом и еле удержался от того, чтобы присвистнуть. Старая детская привычка, но тут она бы пригодилась.

Он ожидал увидеть замок, похожий на отчий дом, то есть со светлым фасадом, выстроенный ровным квадратом с немного выступающей башенкой. Рядовой дом знати старой доброй Австрии. Ведь фон Зильберштайнадлеры обосновались здесь не так давно, порядка ста лет назад, во время последнего расширения земель империи. Но этот замок оказался другим.

Серые стены с темными пятнами, узкие окна, кое-где забранные решетками, местами облупившаяся черепица на крышах и самое главное — стремительно вздымающиеся

ввысь стены, до головокружения. Перед изумленным инспектором стоял самый настоящий древний замок. Казалось, из него сейчас покажутся рыцари, закованные в латы, точно такие, как в сказках в далеком детстве. А в самой высокой башне живет колдун, который варит зелья и насылает проклятия на ближайшие деревеньки. Впечатление немного портили современные карбидовые фонари, освещающие ворота. Тут больше подошли бы факелы.

— Каково, — восхищенно произнес фон Апфельгартен. — Полагаю, первый маркграф получил дом старинного местного семейства.

Отец Ворличек, спрыгнувший следом за ним на землю, уже сбросил капюшон и оказался пухлым молодым человеком лет двадцати пяти с круглым лицом и голубыми глазами, смотрящими на собеседника и мир с каким-то доверчивым детским любопытством.

— Верно, герр инспектор, — ответил он. — Замку без малого семьсот лет. Конечно, пришлось много что чинить и исправлять. Но сами стены удалось сохранить.

— Потрясающе, — снова восхитился Курт. — Представляю, во сколько обходится его содержание.

— Недешево, уверяю вас, — раздался низкий голос.

К ним подошел невысокого роста человек с фонарем, закутанный во что-то, напоминающее плед или пелерину. Он был явно старше фон Апфельгартена, лет пятидесяти, а то и больше. В глаза бросались его роскошные пышные усы, тро-

нутые сединой, и породистый крупный нос, как у хищной птицы. Наверняка семейная черта.

— Рад приветствовать, инспектор фон Апфельгартен. Я не ошибся?

— Нисколько. — Пришлось чуть поклониться. — С кем имею честь?

Хотя об ответе он уже догадывался.

— Бертольд фон Зильберштайнадлер, к вашим услугам, — коротко наклонил голову тот, перед этим зацепившись взглядом за щегольский цилиндр собеседника. Курт поморщился про себя. — Позвольте, я провожу вас внутрь. Отец, благодарю за хлопоты.

— Был рад оказать услугу, — отозвался священник. — До встречи, и благослови вас Господь.

Уже проходя сквозь небольшой внутренний двор, фон Апфельгартен подумал, что надо было попросить отца Ворличека подождать. Однако тот мог оскорбиться, все же он не наемный экипаж.

Внутри старого замка все выглядело относительно новым. Как раз как в отчем доме Курта. Картины на стенах, спокойного цвета обои, потускневшие гобелены, немного потертая мебель и большой блестящий поднос с дымящимся фарфоровым чайником на круглом столике недалеко от камина.

— Добрый вечер, герр фон Апфельгартен. Скверная сегодня погода. Надеюсь, вы хорошо добрались? Отец Ворличек любит погонять лошадей. Присаживайтесь, выпейте чаю.

Этот словесный поток обрушился на инспектора, который едва успел привыкнуть к яркому свету карбидовых ламп после темного двора и полутемного холла. У кресла, обитого темно-зеленым габардином, стоял молодой человек лет тридцати и любезно улыбался. Слишком любезно. Курт знал толк в таких улыбках. Не сильно доволен маркграф, а это наверняка был он, принимать гостя, даже не пообедав. Поскольку обедали в таких домах не раньше девяти.

— Фердинанд фон Зильберштайнадлер, хозяин этого места, как и многих других, — продолжал болтливый молодой человек. — Очень рад, что вы согласились заняться делом моей бедной матушки. Мы уже в отчаянии. Не так ли, дядя Берт?

И он настолько картинно всплеснул руками, что фон Апфельгартен окончательно убедился, что молодой маркграф нервничает и не в восторге от приезда гостя. А вот дядюшка, избавившийся от намотанного сверху пледа, напротив, молчалив и смотрит с какой-то пугающей надеждой.

— Я все же не волшебник, ваше сиятельство, — сказал фон Апфельгартен, осторожно присаживаясь на длинный диван рядом с подносом и отмечая, что вокруг нет слуг. — Но сделаю, что смогу. Завтра же утром начну.

— Барон фон Апфельгартен уверил меня, что вы лучший в своем деле, — кашлянул Бертольд. — К тому же вы из нашего круга, понимаете? Тот, кто причинил боль жене моего брата и убил ее, должен быть наказан.

Инспектор от души про себя обругал уже своего брата и задумчиво перевел взгляд с дяди на племянника. Тот дернул носом, кстати, совершенно другой формы, прямого и аккуратного, и снова расплылся в улыбке, на этот раз с оттенком скорби.

— Уверен, вы легко справитесь с этой миссией, герр инспектор. Не против, что я вас так называю? Уверен, что в смерти мамы виновен кто-то из этих троих, то есть двоих.

Фон Апфельгартен вспомнил письмо и ответил:

— Я допрошу всех подозреваемых. Но мне также необходимо поговорить с членами семьи и слугами. Понимаете?

Маркграф покосился на дядю, тот ответил взглядом исподлбья.

— Хотелось бы обойтись без этого... — начал маркграф, но Бертольд перебил его.

— Нам придется через это пройти, мальчик. Герр инспектор будет деликатен, насколько это возможно.

И светло-карие глаза хищной птицы впились в фон Апфельгартена, словно ожидая подтверждения. Он внутри вздрогнул — все же есть в дяде маркграфа что-то жуткое.

— Конечно, — оставалось надеяться, что светская улыбка получилась безупречной. — Сделаю все, что в моих силах. Позвольте задать несколько кратких вопросов прямо сейчас.

— Но я думал, что ваш комиссар или кто он там, сообщил все, — растерянно сказал маркграф, сцепляя и расцепляя ладони.

Курт с показной безмятежностью взмахнул рукой.

— Не все. Полагаю, он торопился.

— Тогда дядя с этим справится лучше меня, — в голосе маркграфа послышались резкие нотки. — Мне... мне еще тяжело говорить о маме. Ведь это я... нашел ее. К тому же надо успеть до обеда написать несколько писем. Поэтому прошу меня простить, герр инспектор. Дядя.

Короткий кивок головы, и молодого хозяина словно вихрем вынесло из гостиной в одну из боковых дверей из массивного дуба. Фон Апфельгартен приподнял брови и посмотрел на оставшегося на его растерзание собеседника.

— Ох, Ферди... — пробормотал Бертольд, тяжело присаживаясь на кресло. Он расстегнул верхние пуговицы старомодного сюртука и пригладил усы. — Простите, герр инспектор. Рана еще свежа, сами видите. Я налью вам чай и можете спрашивать, о чем угодно. Кстати, я распорядился о ночлеге, комната готова.

— Благодарю, но в этом нет необходимости, — отозвался фон Апфельгартен, наблюдая, как короткие пальцы с красивой формы ногтями касаются чайника и аккуратно придерживают крышку. — Я остановился в «Трех лисицах» с супругой.

Крышка чайника звякнула, раздался стук о столик.

— О... вас сопровождает жена? Простите, я считал...

— Мы поженились совсем недавно, — улыбнулся Курт. — У нас медовый месяц.

Он с удовольствием наблюдал, как лицо сурового Бертольда залила краска смущения.

— Как неловко получилось, герр инспектор. Я не знал. Уверяю, я бы не стал...

Она замолк, а фон Апфельгартен впервые с сегодняшнего утра ощутил удовлетворение. Немного чувства вины не повредит маркграфовской семье.

— Ничего страшного, супруга понимающе отнеслась к изменению маршрута путешествия. Кстати, — прибавил он, не дав собеседнику продолжить извинения и желая заставить его врасплох, — куда подевались ваши слуги?

Бертольд на мгновение застыл с чашкой в руке.

— Все на месте, — заявил он. — Кроме тех, кто заболел или уволился. Просто я не хотел, чтобы кто-то присутствовал и слушал наш разговор. Потом пойдут сплетни. Тем более старшая горничная в числе подозреваемых. Она была первой, кого арестовали. Сейчас выпустили, но все равно неприятно. Я посоветовал Фердинанду ее уволить, но он против. Ему ее жаль, видите ли.

— Вы не одобряете племянника, герр фон Зильберштайнадлер? — напрямую спросил инспектор.

— Можно герр Бертольд, меня многие так называют. Ферди молод и подвержен современным веяниям. Не доказана вина, значит, и говорить не о чем. Но люди ведь болтают, как и раньше, герр инспектор. А злые языки могут причинить вред, много вреда. Поэтому я и настоял, чтобы человек из

нашего круга выяснил правду.

Фон Апфельгартен повернулся к нему.

— Выяснил правду или просто успокоил те самые языки? — прямо спросил он. — Я ведь профессионал своего дела и покинул ваш круг много лет назад. Вы уверены, что мне не стоит уехать завтра же утром?

Бертольд исподлобья смотрел на него и молчал. Вокруг тоже стояла тишина, которую нарушал только треск дров в камине и еле слышный звон, то ли с кухни, то ли со двора. Хотя в таком большом замке вряд ли уловишь звуки работы слуг. Интересно, все ли помещения здесь поддерживаются в порядке, или большая часть уже давно заброшены?

Инспектор успел допить вторую чашку чая, когда собеседник пошевелился и заговорил:

— Мы с вами похожи, герр инспектор. Я тоже четвертый сын. Мне пришлось искать, чем зарабатывать себе на жизнь.

— Я пятый сын, герр Бертольд, и это еще печальнее, — улыбнулся Курт. — Но вы, в отличие от меня, остались с семьей. Чем вы занимаетесь и где живете? Здесь?

— Я реставратор, — последовал ответ, окрашенный нотками гордости. — А в замке много старинных вещей, нуждающихся в уходе и починке. Брат, Доминик, предыдущий маркграф, отдал мне немного земли и дом недалеко отсюда. Там я и жил с женой и сыном. Пока он не погиб на другом конце света. Совсем недавно, и трех месяцев не прошло.

— Сочувствую. Несчастный случай?

– Очередные беспорядки в Бенгальском заливе, — с неохотой, отводя глаза, ответил Бертольд. — Иоганн был военным, служил под началом брата Рудольфа. Моя Амалия еще не оправилась от удара, бедняжка. А потом и Лилли убили... вдовствующую маркграфиню.

– Понимаю, это очень тяжело. Я слышал, ваш другой брат тоже умер.

Не слишком ли много смертей за короткое время в одной семье? Одна за другой. Так ли уж безобидно это падение священника?

Бертольд молчал, глядя прямо перед собой.

Фон Апфельгартен сам налил себе третью чашку чая, решив, что она будет последней на сегодня, снова повернулся к собеседнику и тихо, но твердо попросил:

– Расскажите, что, по-вашему, произошло в день убийства вдовствующей маркграфини.

– По-моему? — удивленно переспросил Бертольд. — Что это значит?

– Без протокола, — чуть улыбнулся инспектор. — Как в обычной светской беседе.

– Лилли была самой несчастной из женщин, которых я знал. Хрупкое телосложение, слабое здоровье. Но ее стойкость порой поражала. Такое невероятное мужество перед жизненными невзгодами. И такой страшный конец, — почти шепотом произнес Бертольд. — Она любила разные цветы из дальних стран. Специально отапливаемую оранжерею по-

строили по ее приказу и совсем рядом с замком, чуть в стороне от черного хода. Уход за цветами были единственной радостью в жизни Лилли... кроме Ферди, конечно. Тем днем она пошла в оранжерею сразу после полудня, и кто-то напал на нее. Бродяга, сумасшедший не иначе. Кто еще мог сотворить такое?

— Территория возле замка охраняется? — внимательно наблюдая за осунувшимся лицом собеседника, спросил Курт.

— Не было нужды, — мрачно ответил Бертольд. — Днем везде ходят слуги и подсобные рабочие. Привратник вечером иногда обходит территорию. Мы никогда не думали, что такое возможно. Чтобы напали на беззащитную женщину, маркграфиню, урожденную принцессу, и так жестоко убили. Она даже не успела позвать на помощь. Найдите того, кто это сделал, герр инспектор. Без козлов отпущения, прошу вас.

В гостиницу Курт вернулся уже в начале полуночи. Маркграф соизволил появиться, когда он уже собирался уходить, и настоял на том, чтобы фон Апфельгартен разделил с ними обед. Само собой, после говорили о погоде, трудностях в содержании замка, охоте в угодьях и общих знакомых. А после гостя любезно усадили в легкую и быструю повозку с кучером и пожелали спокойной ночи.

Оказавшись в просторном номере «Трех лисиц», освещенном теплым светом газовых ламп, инспектор понял, как хорошо, что он не остался в старом замке, пусть и с совре-

менным освещением.

– Расскажешь? — коротко осведомилась Ада, расчесывая волосы перед зеркалом. Она уже переделалась в ночную рубашку.

– Лучше завтра, — покачал головой Курт и принялся расстегивать сюртук.

## Глава 2

Утро встретило назойливым карканьем вороны, облюбовавшей ветку дерева прямо за окном. Только услуга завтрака в номер немного примирила сонного инспектора с действительностью.

— А ведь мы могли бы уже быть в Зальцбурге, — сказал Курт, созерцая унылый ноябрьский пейзаж. Окно выходило на небольшую рощицу из уже почти облетевших лиственных деревьев.

— Зато здесь работает телефон, а на третьем этаже висит картина с белоснежной лисой, — утешила его Ада, которая бодро намазывала булочку маслом. — Паромобилей в аренду нет, но есть прекрасные паросамокаты. Так что тебе не обязательно зависеть от милости маркграфа.

— Сорока шестилетний инспектор жандармерии разъезжает по Мерену на паросамокате, — повернулся к жене фон Апфельгартен. — Прекрасный заголовок для газет.

— Какие глупости, Курт, — фыркнула Ада. — В моем родном Айсбахе на них ездят даже древние старушки. Я вот обязательно осмотрю окрестности, пока ты будешь работать. Кстати, о газетах. О смерти вдовствующей маркграфини фон Зильберштайнадлер была всего лишь небольшая заметка. И об убийстве там умолчали.

— Ну еще бы, — усмехнулся инспектор. — Высший свет

не любит скандалы. К тому же маркграфиня — урожденная принцесса. Дочь прусского герцога цур Фойердехсе.

— Будь я журналистом, мы бы разбогатели за счет твоего доступа к материалам, — заметила Ада. Судя по всему, она уже перестала удивляться высоким титулам.

Курт даже не захотел представлять себе все ужасы и скандалы, которые повлек бы за собой брак с женщиной такой профессии. Да брата удар бы хватил. Вместо этого он рассказал Аде о маркграфах фон Зильберштайнадлер.

Итак, Доминик, уже покойный, женился на дочери прусского герцога по имени Лилли. Насколько брак получился удачным и не были ли супружеские ссоры поводом затаить злобу, сейчас уже не узнать. Через три года после свадьбы родился Фердинанд, и маркграфиня стала часто болеть. Врачи находили разные причины, но обычно ставили неопределенный диагноз «душевная тоска», прописывали покой и прогулки на свежем воздухе. Иногда маркграфиня навещала отчий дом, но от печали ее это не спасало. Так она и чахла долгие годы, пока не скончался Доминик и замок с землями не перешли к Фердинанду. Как дочь герцога, пусть и иностранного, Лилли могла воспользоваться правом наследовать после мужа, но не захотела. Сын повозил ее по Европе в поисках новых докторов, и Лилли стало немного лучше, хотя печаль в ней оставалась до самой смерти. До есть до того, как кто-то забил ее тяпкой в оранжерее, где она ухаживала за экзотическими цветами. Сын нашел ее, когда пробило пол-

шестого пополудни, но умерла она раньше, примерно с двух до четырех часов.

— Ужасно, — сказала Ада. — А что же остальные?

У Доминика было три брата: Рудольф, Франц и Бертольд. И все они устроили жизнь по старой дворянской традиции: один стал военным, другой — священником, третий... кем захотел. Рудольф уехал в составе торговой компании на острова в Бенгальском заливе, а двое остались в родных краях. У Бертольда и его супруги Амалии родился сын Иоганн.

— Идиллия продолжалась, пока не пришла весть о смерти Иоганна? — задумчиво спросила Ада.

— Верно, — кивнул Курт после того, как унесли остатки завтрака и посуду. — Затем Франц упал прямо во время причастия и скончался. И шесть недель назад убили Лилли. Между их отходом в мир иной прошлой всего две недели.

— Вот так и поверишь в истории о семейных проклятиях и местных вампирах в придачу, — сказала Ада.

Фон Апфельгартен укоризненно посмотрел на нее и заметил:

— Вряд ли проклятие или вампиры достали одного члена семьи в Мерене, а другого в Бенгальском заливе.

— Мало ли какая нечисть водится в дальних странах... Не хмурься, дорогой. Я всего лишь рассуждаю. Святой отец мог упасть от болезни или недоедания. Так бывает, если рьяно придерживаться постов.

— Я сильно надеюсь, что не придется в итоге требовать

эксгумации его тела, — буркнул Курт. — Проще сразу уйти в отставку.

— Тебя позвали найти убийцу маркграфини, остальное неважно, — голос Ады звучал взволнованно. — Будем надеяться, что виновен кто-то из этих трех.

Но «эти» оказались не сколько подозреваемыми, сколько «задержанными для галочки». Так назвал их инспектор жандармерии в Брюнне, куда фон Апфельгартен отправился сразу же, как только получил от хозяина отеля новый паросамокат.

— Последняя модель, в Вене заказывал, — заверил герр Зденек, улыбаясь во весь рот.

В кабинете инспектора Курт заканчивал читать отчет о расследовании убийства вдовствующей маркграфини, больше всего на свете желая умчаться отсюда в Зальцбург. За шесть недель работы жандармерия не продвинулась ни на шаг. Они даже не могли толком сказать, нашлись ли в оранжерее чужие отпечатки пальцев, не семьи или слуг. Хорошо хоть с орудием убийства было все ясно. Острое лезвие тяпки пробило жертве голову и свело на нет попытки позвать на помощь. После чего убийца ударил ее еще несколько раз, будто в сильной ярости. Или Бертольд прав, и это дело рук сумасшедшего, или же вдовствующая маркграфиня кому-то сильно насолила.

— Эти задержанные женщины, — сказал фон Апфельгартен, когда вернулся местный инспектор, грузный, грустный

и с усталыми глазами. — Вы просто тыкали пальцем и хватали первых попавшихся?

— Двух подозреваемых уже отпустили, — затряс отвисшими щеками инспектор, — а срок задержания третьей истекает сегодня.

— Фройляйн Клара Браун, — зашелестел бумагами фон Апфельгартен, — старшая горничная в Зильберштайнадлере. На нее указали не потому, что у нее отсутствует алиби, как и у половины слуг, а потому, что она не посещает церковь. Вы это серьезно?

— Очень дерзкая девушка, и отец Ворличек говорил... — инспектор Генке осекся.

— То есть теперь вы понимаете, как это звучит, — сказал Курт. — Далее. Элишка Орсак. Фройляйн или фрау неизвестно, род занятий тоже, местная нищая, бродяжка. Подходящий козел отпущения...

— Вот и мы так решили, — поспешно вставил Генке. — Выпустили неделю назад. Оказалось, видели, как она дрыхла на сеновале у фермера Шульца.

«Теперь ее днем с огнем не сыщешь», — подумал Курт, а вслух продолжил:

— Фрау Чандра Мюллер, вдова владельца сувенирной лавки. Иностранка?

— Муж привез ее откуда-то с далекого востока года три назад. И год, как он скончался от пневмонии. Путешествия подорвали здоровье. Местные говорят, что она странная и

наверняка ведьма.

— Но как она связана с вдовствующей маркграфиней? Или ее задержали только потому, что она неместная?

Генке почти виновато почесывал плохо выбритый двойной подбородок.

— Да вы сами с ней поговорите, герр фон Апфельгартен. Только после нее не останется ни одного подозреваемого. Не будет больше нашей убогой тройки.

Курт положил на стол папку и почувствовал, как у него заныла верхняя челюсть. Как бы зубы не разболелись. Дело и так завалено хуже некуда.

— Ведите сюда фрау Мюллер, — приказал он.

Через несколько минут он рассматривал сидящую напротив молодую женщину. Наверное, двадцать с небольшим, стройная, даже тоненькая, смуглая, черноволосая и с большими широко расставленными темно-кариими глазами. На левой щеке красовалась небольшая родинка, а лоб, прямо между бровей, украшал рисунок в виде маленькой капли красного цвета.

Фон Апфельгартен отметил, как необычно, даже причудливо смотрелся центрально-европейский женский наряд на уроженке дальнего юга-востока. Кажется, в искусстве это называется эклектикой. Иностранная вдова лавочника выглядела крайне экзотично для имперской провинции, неудивительно, что местные наговорили на нее при первой же возможности.

— Вы знали вдовствующую маркграфиню? — спросил фон Апфельгартен после того, как уточнил ее имя и положение.

— Видела один или два раза, — с непривычным акцентом ответила Чандра Мюллер. — Я приносила украшения для продажи в замок. Я делаю очень красивые ожерелья и серьги.

— Прямо в замок? — не поверил фон Апфельгартен.

Спрашивается, к чему маркграфине странные побрякушки, сделанные чужеземкой?

— Я приходила к слугам, — тут же развеяла его сомнения Чандра. — Им нравилась моя работа. Старая хозяйка садилась в пар... паромобиль. Так, верно? — Она улыбнулась. — А я пошла к входу для слуг.

— Понятно, — протянул Курт и задумчиво побарабанил пальцами по столу. — Маркграфиня показалась вам расстроенной или... печальной?

В углу инспектор Генке издал какой-то булькающий звук, и Курт повернулся к нему.

— Могу я попросить вас позаботиться о чашке чая, инспектор? Даже двух. Прошу прощения, но я немного замерз. И фрау Мюллер, думаю, тоже не откажется.

Генке закивал, попятился к двери и когда он вышел, фон Апфельгартен снова посмотрел на Чандру. Та часто заморгала и ответила:

— Старая хозяйка ходит прямо, голову держит ровно. Простите, ходила. Так ведь принято, да? У нее волосы цвета серебра и глаза серые, чуть темнее. Как туман. И очень кра-

сивая маленькая модная шляпка. Нет, она не казалась расстроенной.

— А что говорили о ней в Старых Гнездовьях, деревне, где вы живете?

Молодая женщина взглянула на инспектора уже с явным интересом. Не к таким вопросам она здесь привыкла.

— Друзья Лотара, мужа, называли ее доброй и красивой. А их жены — чертом в юбке.

— Неужели? — еле удержался от того, чтобы усмехнуться Курт.

— Я тоже дочь сатаны, — пожала плечами Чандра. — Лотар рассказывал мне, и мы смеялись. Люди такие странные существа.

— Почему вы не оставили деревню после смерти мужа, фрау Мюллер? Вас же здесь ничего не держит, — с сочувствием заметил Курт. Ему нравилась эта чужестранка. Она чем-то напоминала дочь.

— Родная страна далеко. И я люблю нашу лавку. Лотар путешествовал, привез диковинные вещи. Он сам умел делать много всего и меня научил. Люди с удовольствием покупают, хотя я им не нравлюсь.

— Что ж, рад слышать. Вы были знакомы с Кларой Браун и Элишкой Орсак?

— Клара покупала у меня серьги, — кивнула Чандра. — У нее громкий голос, она часто ругается. Но ее хвалят в замке, она хорошо работает. Старая хозяйка не наказывала ее,

была довольна. А Элишка нищенка. Просила у меня еды и монеты. Я дала два раза, потом не пускала. Лотар всегда ее гнал. Говорил, обворует.

— Он прав. Такое часто случается, — согласился Курт.  
— Не знаете, где можно найти Элишку?

— Фермер Шульц позволял ей ночевать на своей земле. Но она исчезла из деревни, как ее отпустили отсюда.

Фон Апфельгартен ожидал чего-то подобного, поэтому легко сдержал досадное ругательство. А Чандра продолжила:

— Но я заметила ее здесь, в городе. Могла ошибиться. Меня ведь везли в крытой повозке. Она стояла и покупала газету у разносчика. И одета не в лохмотья, а красивую одежду.

— Когда это было? — быстро спросил Курт

— Я здесь пять дней. Ее привезли до меня. Она сидела дольше. — Чандра на миг нахмурилась, а затем кивнула.  
— Элишку выпустили тридцатого дня октября. В лавку тогда фрау Шульц заходила за украшениями из тыкв. Говорила — снова это отребье придет на их сеновал.

— А второго ноября Элишка уже гуляла при деньгах или благодетеле, — пробормотал фон Апфельгартен. — Вы не запомнили, во что именно она была одета? Это поможет нам в поисках.

Чанда помедлила, будто колебалась, а потом нерешительно сказала:

— Кажется... светлое коричневое пальто и шляпка чуть темнее. А на пальто вставки из кожи тельека. Еще желтый

шарф, шерстяной. Больше не помню.

Дверь скрипнула, и появился молодой жандарм, несущий два стакана с чаем. Генке не вернулся, похоже, верно понял намек.

— Выпейте и согрейтесь, фрау Мюллер, и вы свободны, — сказал фон Апфельгартен и подвинул ей стакан. — Печенья нет, уж простите. Если при вас были какие-то вещи, дежурный у выхода их выдаст.

Чандра улыбнулась, сложила ладони вместе, поднесла их к груди и поклонилась. Видимо, так благодарила.

Когда она уходила, Курт отметил, как плавно она двигается. Словно скользит по неровному плохо вымытому полу жандармерии. Ему даже показалось, что он слышит тихий шорох. Курт моргнул, помотал головой, продолжил быстро писать в блокноте и еле успел крикнуть вслед:

— Если что еще вспомните, я остановился в гостинице «Три лисицы».

И записал: «Рассказать Аде о чудесной лавке».

Позже он отдал распоряжение о розыске Элишки Орсак, выслушал стенания инспектора Генке «зачем мы ее тогда выпускали», снова оседлал паросамокат и отправился искать место, где можно арендовать паромобиль. Все же поздняя осень не лучшее время для такого транспорта, да и несолидно. Чтобы там ни говорила Ада.

В замок он попал, когда уже надвигались сумерки. Оставил старый паромобиль, который проискал полдня, под не

менее старым деревом и пошел к воротам.

На этот раз маркграф меньше болтал и выглядел лучше. Похоже, он смирился с тем, что приглашенный инспектор никуда не денется только потому, что его сиятельству неприятно. Или дядя Берт уговорил. Фон Апфельгартен поставил в уме заметку получше присмотреться к младшему из братьев. Ведь он вполне может настаивать на раскрытии убийства, которое сам же и совершил. Если громко кричать «воры» и указывать пальцем в сторону, то тебя никто не заподозрит.

Фон Апфельгартен извинился за поздний визит и сказал, что ему необходимо поговорить со старшей горничной, Кларой. Маркграф цокнул языком, раздраженно качнул головой и сказал:

– Только будьте с ней добрее. Бедной девушке и так досталось от ваших коллег. А дядя Берт хотел, чтобы я ее выгнал. Как будто он не знает, как в деревне сложно найти умелую и расторопную прислугу. Маме Клара нравилась.

– И вам? — спросил Курт и заметил, как вспыхнули щеки собеседника. Вот так сюрприз. Неужели тут старый, как мир, роман между дворянином и горничной?

– Она хороший работник, — ответил маркграф.

– Несмотря на тяжелый характер и нежелание посещать церковь? — уточнил фон Апфельгартен.

– А, вы говорили с отцом Ворличеком, — с некоторым облегчением произнес маркграф. — Так он почти фанатик.

Дядя Франц утверждал, что к вере не приводят насильно. Но он был в меньшинстве среди своих.

— А вы с ним согласны, ваше сиятельство?

Маркграф на миг опустил глаза в пол, но затем прямо посмотрел на инспектора и твердо сказал:

— Полностью. Дядя Франц был хорошим человеком, прихожане любили его. Если бы не та трагическая случайность, он бы еще долго прожил. Хотя у него начинало побаливать сердце. Но кто из нас полностью здоров?

Сердце, значит. Надо оправить запрос через жандармерию к семейному врачу фон Зильберштайнадлеров. Нет, здесь лучше поговорить лично. Или прибегнуть к помощи Эриха. При этой мысли Курт вздохнул про себя.

Маркграф позвонил в колокольчик, и скоро в гостиной появилась девушка лет восемнадцати, одетая в платье горничной. Ее туго стянутые на затылке русые волосы, накрахмаленная накладка и выглаженный передник говорили об аккуратности и склонности к порядку. Она почтительно присела и поздоровалась.

— Клара, это инспектор фон Апфельгартен, — сказал маркграф. — Он расследует смерть вдовствующей маркграфини и хочет поговорить с тобой.

Горничная нелюбезно уставилась на Курта дерзкими серыми глазами, но ответила смиренным голосом:

— Как прикажете, ваше сиятельство.

— Ничего, если мы расположимся здесь? — осведомился

фон Апфельгартен маркграфа.

Тот задумался, а затем указал на дверь в глубине гостиной.

— Там вам будет удобнее. Это кабинет дяди Берта. Если что понадобится, позвоните дворецкому.

Получается, вездесущий реставратор проводил много времени в замке. Не исключено, что больше, чем дома. Интересно, как на это смотрит его жена? Особенно после того, как они потеряли сына.

— Присаживайтесь, фройляйн Браун, — кивнул фон Апфельгартен на стул напротив своего. Кресло хозяина кабинета он предпочел не занимать.

Она села и посмотрела на него, сложив руки на переднике. Почтительности в ней явно поубавилось.

— Вы снова меня арестуете? — прямо спросила она, задрав подбородок.

— Вряд ли, — улыбнулся Курт. — Мои местные коллеги погорячились.

Клара фыркнула.

— Я четыре дня проторчала в камере. С соседкой легкого поведения, между прочим. А я девушка приличная, не знаюсь с такими. И передо мной не извинились.

— Что ж, извините, фройляйн Браун, за все жандармерии империи, — развел руками фон Апфельгартен. — Но, сами понимаете, случай серьезный.

— Они никого не искали, — заметила Клара, чуть смягчив-

шись. — После меня заперли эту убогую Элишку и странную фрау Мюллер. Те еще дамочки. Но не стали бы убивать ее сиятельство. Они даже не знали ее.

— Вы покупали у фрау Мюллер украшения, — напомнил Курт.

— Да, — нехотя произнесла Клара. — Красивая работа, ничего не скажешь. Но сама фрау Мюллер пугает. Есть в ней что-то... Еще эта точка на лбу.

Ох, уж эта неприязнь к чужакам, присущая провинции. И чем дальше от столицы и крупных городов, тем она пышнее процветает. Впрочем, вздумай Клара Браун посетить родину Чандры, ее бы наверняка ожидал такой же прием.

— А с Элишкой Орсак вы общались?

— Да что вы. Зачем бы мне это? Но таскалась она везде. Даже недалеко от замка появлялась. Ее прогнали.

— Хорошо, — сказал фон Апфельгартен. — Давайте поговорим о вдовствующей маркграфине.

Клара отвечала охотно. Она с шестнадцати лет работала в замке с тех пор, как уехала из Брюнна, от матери и отчима. Да, хозяйева были ей довольны, она с ними не ругалась. Нет, остальные слуги рассказывали, что с мужем, теперь покойным, маркграфиня тоже не ругалась. Хотя тот любил выпить и женщин и часто пропадал в Брюнне. Нет, маркграфине было или все равно, или она держала лицо. Маркграф Доминик умер от цирроза печени. По словам врача, он сам был в этом виноват. Да, говорили, что семья скорбела на похоронах. Бо-

лезнь ее сиятельства? Врач считал, что у нее ипохондрия, но с ним не были согласны. Молодой хозяин все же сумел ей немного помочь, нашел лояльного доктора. Да, герр Бертольд почти всегда жил в замке, а отец Франц часто заходил. Хотя потом перестал. Нет, Клара не знает, почему. Вот незадолго перед своей смертью и перестал. Вроде не ссорился ни с кем. Никто из слуг ничего не слышал.

— Амалия? — удивленно переспросила Клара, услышав следующий вопрос. — Ах, вы, верно, про жену герра Бертольда. Она редко приезжала сюда. Последний раз была за неделю до смерти ее сиятельства.

— Она навещала ее или мужа?

Клара чуть нахмурилась и помедлила.

— Вроде говорила с ними обоими... — начала она, запнулась и сощурила глаза. — Знаю, на что намекаете, герр инспектор. У нас тоже болтали, мол, герр Бертольд давно остыл к жене, живут раздельно. Но ничего непристойного в их отношениях с ее сиятельством не было. Все бы знали, такое не скроешь. Так что фрау Амалия не убила бы ее из ревности. К тому же не приходила она в тот день. Ее бы заметили. Она постоянно ходит в таком роскошном красном пальто.

Курт не стал говорить, что соберись он или Клара кого убить, они точно бы сменили яркую одежду. Но расспросить Амалию надо, как и отца Ворличека. Очень уж спокойные жены в этой семье. На люди, конечно, семейные дразги не выносят, однако слуги должны были что-то услышать или за-

метить. Придется хотя бы кратко, но расспросить всех. Инспектор Генке или один из его жандармов как раз для этого годятся, раз уж не сделали свою работу раньше.

Закончив допрос, фон Апфельгартен попросил показать ему оранжерею, и горничная охотно провела его через черный ход к заднему двору замка.

— Вон там стеклянная крыша, видите? — указала она пальцем.

Инспектор видел. Он поблагодарил и зашагал по узкой дорожке, чуть не столкнувшись с женщиной с пустым ведром в руках, вероятно, работницей кухни.

Оранжерея действительно располагалась всего в минуте ходьбы от замка за рядом густых хвойных деревьев. Внутри, само собой, уже ничего не напоминало о трагическом происшествии. Яркие пестрые цветы красовались в аккуратных клумбах или горшках разных форм. Располагались они не хаотично, а в определенном порядке и, надо сказать, тот, кто его создал, обладал хорошим вкусом. У дальней стены в специальной камере стоял паровой генератор, насколько мог судить Курт, последней модели. Он видел такие в ботанических садах Вены.

Как грустно и нелепо умереть от чьей-то жестокой руки среди такого великолепия. Видела ли вдовствующая маркиз графиня, увлеченная любимым делом, своего убийцу? Знала ли его? Фон Апфельгартен еще немного потоптался, осмотрел угол для садового инвентаря, где когда-то лежало орудие

убийства, задумчиво провел рукой по пышно цветущим белым лилиям и покинул оранжерею.

Вернувшись в замок, инспектор сообщил о своем уходе маркграфу, и тот был столь любезен, что проводил инспектора до дверей.

— Что вы скажете о супруге вашего дяди Бертольда, ваша светлость? — остановился тот.

— У них хорошие отношения, насколько мне известно, — пожал плечами Фердинанд. — А я едва ее знаю. Мама запрещала нам общаться.

— Вот как. А вы спрашивали, почему?

По лицу маркграфа тут же стало ясно, что он жалеет о том, что сказал. Его плечи напряглись, но он ответил:

— Не припоминаю. У мамы бывали причуды, знаете ли. К тому же они могли чего-то не поделить и поссориться. Не дядю Берта, — вспыхнул он в ответ на взгляд Курта. — Гнусно такое предполагать, герр инспектор. Доброго вам дня.

«Мне необходим сплетник, самый отъявленный и болтливый. Только где его взять?» — рассуждал фон Апфельгартен, шагая по освещенному ярким и даже немного теплым ноябрьским солнцем двору к паромобилю.

К его удивлению, возле стоял Бертольд и что-то рассматривал внутри, у рычагов управления. Заметив Курта, он выпрямился, сдвинул на лоб массивные гогглы с толстыми стеклами, приветственно качнул головой и похлопал по дверце.

— Добрый день, герр инспектор. Где вы нашли такого редкого зверя?

— Добрый, герр Бертольд. Вы о паромобиле? В гараже аренды, в Брюнне.

— Это же одна из первых моделей, — расцвел в улыбке Бертольд. — Красавец. Если не развалите его, я к ним навещаюсь, выкуплю и приведу в порядок.

Курт, искренне считавший, что ездит на дышащей на ладан рухляди, удивился и вспомнил о своем вопросе, уже сев и закрыв дверцу.

— Герр Бертольд, — крикнул он. — Я собираюсь навестить вашу супругу. Когда ей удобнее?

Уже отошедший на приличное расстояние брат маркграфа обернулся.

— Амалия всегда дома, так что почти в любое время, — ответил он. — Но зачем?

# Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.